

Цзян Линь пробудился от звуков, доносившихся с нижнего этажа. Громкие голоса принадлежали, вероятно, Аньцзи и Мэйгэ. После томительных ночных раздумий его сердце обретало вновь долгожданный покой. Быть отвергнутым злодеем было естественно, особенно учитывая, что в книге злодей изображался как личность крайне неуравновешенная. Нет, тревожиться ему о нём не следовало.

По крайней мере, пока что его свобода остаётся неприкосновенной, а это уже гораздо лучше, чем положение владельца тела.

Предыдущей ночью его разум постиг суровую истину: шансы на побег с планеты Берка были ничтожно малы. Без статуса резидента ему не было доступа к общепринятым космическим маршрутам. Лишь чудо, в лице какого-нибудь дворянина с личным военным кораблем, могло ему помочь.

Но мечта эта оставалась лишь эфемерным бликом на горизонте. Немногочисленные семьи, владеющие военными кораблями, были частью королевской семьи или её ближайшими родственниками. Естественно, никто из них не взял бы на себя риск дать убежище захваченному заложнику.

Однако вопрос этот требовал дальнейших раздумий и тщательного анализа.

Внезапно его мысли прервал настойчивый стук в дверь. Это был Аньцзи.

— Ваше Высочество, произошло нечто важное. Нашу виллу окружили, — произнёс он, всё ещё пребывая в тени утреннего шока от того, что их дверь стережёт группа пользователей высокой духовной силы.

Цзян Линь нахмурился. Разум его ещё не успел уловить суть сказанного Аньци, но тело уже невольно покинуло спальню.

Спустившись вниз, он увидел, что некогда тихий двор теперь заполнен членами королевской гвардии, облачёнными в сверкающие на солнце мундиры. Начальник стражи в этот момент был погружён в беседу с Мэйгэ.

Заметив приближение Цзян Линя, начальник стражи отвёл взгляд от собеседницы и, обратившись к протону, произнёс официальным тоном:

— Ваше высочество, Цзян Линь, Его Величество изволил направить капитана Уилсона для обеспечения вашей безопасности.

Цзян Линь почти поддался искушению усмехнуться, но воспитание не позволило ему выпустить наружу саркастичное замечание.

— Могу ли я узнать, что так беспокоило Его Величество и за какие прегрешения мне дарована эта охрана? — спросил он, с трудом сдерживая нарастающую волну гнева.

«Что ж, просто замечательно». В уме его витала мысль: все усилия, предпринятые им, оказались тщетны. Теперь он был ограничен в свободе, и будущее предвещало ему участь первоначального владельца.

Капитан Уилсон, изогнув губы в едва заметной усмешке, позволил себе мгновение триумфа прежде, чем ответить. Его глаза на мгновение сверкнули злорадством, затем капитан прочистил горло и проговорил:

— Ваше Высочество, вы явно не так поняли намерения Его Величества. Единственной его заботой является ваша безопасность.

Произнеся это, он, похоже, почувствовал, что угрозы нет, и сказал правду:

— Кроме того, разве не ваша личность является причиной этих мер?

— Я пойду поговорю с Его Величеством, — спокойно ответил Цзян Линь, направляясь к выходу.

Если он действительно будет заключен в эту тюрьму, у него не останется никаких шансов избежать роковой участи.

Уилсон скрыл улыбку. Власть, дарованная ему приказом, превратила его в неоспоримого властелина, и Цзян Линь уже не казался ему достойным внимания. Более того, Уилсон решил пригрозить ему своей духовной силой, наслаждаясь слабостью беспомощного пленника.

Цзян Линь, сделав лишь шаг к выходу, ощутил болезненное сжатие в груди, словно разрывающее его изнутри. Уилсон сделал два шага вперед, нарочито преграждая путь:

— Прошу вас соблюдать достоинство, Ваше Высочество, — голос его прозвучал вызывающе и насмешливо.

Прежде чем стать начальником стражи, Уилсон был талантливым наследником дворянского рода. Но строгие военные порядки и постоянное присутствие монарха изрядно его подавляли. Получив это задание, он почувствовал облегчение, словно позволил себе слегка ослабить внутренние узды. Гнев, которому он не находил выхода в других ситуациях, нужно было как-то выплеснуть.

Кроме того, Уилсона всегда интересовала Мэйгэ, но он не осмеливался попросить её у Его Величества. Услышав, что монарх отдал её в руки заложника, лишённого духовной силы, Уилсон затаил тяжёлую обиду на Цзян Линя.

Взглянув на Уилсона, Цзян Линь вынужденно отступил к вилле.

Несмотря на то, что он обнаружил, что теперь обладает духовной силой, он не проходил систематического обучения и не мог её демонстрировать. В противном случае, любая попытка использовать духовную силу обрекла бы его на судьбу пушечного мяса, как и первоначального владельца.

Мэйгэ тихо стояла в стороне, погружённая в тревожные мысли. Она ожидала услышать плохие вести о тиране, но таковые не поступали. Приказ следить за Цзян Линем, отданный тираном, указывал на то, что он уже обнаружил проблему с тоником и, возможно, ошибочно решил, что это дело рук протона.

Однако, зная Чу Вэньюя, она понимала, что ситуация куда более запутанная. Что если что-то мешало Чу Вэньюю действовать против Цзян Линя сейчас?

Мэйгэ сжала кулаки, её лицо застыло в выражении решимости. Несмотря на неудачу в выполнении задуманного, она всё ещё могла использовать Цзян Линя в своих целях, если удастся уговорить его вступить в союз. В своё время, если план удастся, она сможет переложить всю вину на него.

С этими мыслями Мэйгэ намеревалась последовать за Цзян Линем на виллу, но внезапно была остановлена Уилсоном.

— Мисс Мэйгэ, я хочу вам кое-что подарить, — произнёс он с едва скрытой кокетливостью. В его глазах сверкнули хищные искры, характерные для Альф.

Мэйгэ вежливо улыбнулась и, сделав шаг назад, ответила:

— Благодарю, капитан Уилсон, но это излишне. — Сказав это, она отвернулась, скрывая выражение отвращения. Каждый раз, встречая его, она ощущала тошнотворный запах его феромонов, который раздражал её.

Улыбка Уилсона застыла на его лице, но он направил свое негодование на Цзян Линя, считая, что именно внешность этого дрянного протона, похожая на вазу, зацепила Мэйгэ.

Цзян Линь попросил у робота лекарство, но привкус крови ещё долго терзал его грудь, напоминая о произошедшем. Он понимал, что попал в ловушку злодея и не сможет вырваться из его цепких лап. Будущее виделось ему туманным и непредсказуемым. Однако, странным образом, его охватило спокойствие.

Он раздобыл книгу о Духовных Целителях и погрузился в её изучение. Цзян Линь решил, что если когда-нибудь представится возможность сбежать, эти знания станут его секретным оружием, навыком, который поможет ему выжить.

Увидев, как Цзян Линь принимает лекарство, Чу Вэньюй непроизвольно нахмурился, подавляя

неприятное чувство, зародившееся в груди. Он с нетерпением ожидал увидеть взрыв ярости у Альфы, насладиться зрелищем его гнева.

Однако вместо этого он наблюдал, как Цзян Линь, схватив книгу, с самого утра углубился в её чтение, словно пытаясь проглотить её целиком.

Такое поведение совершенно не соответствовало ожиданиям Чу Вэньюя. Монарх, рассчитывавший на униженные мольбы о прощении и демонстрацию покорности от Цзян Линя, чувствовал нарастающее раздражение и разочарование.

В этот момент служанка, стоявшая неподалёку, робко приблизилась с подносом, намереваясь прислужить своему монарху. Каждый день в этот час она испытывала тревогу, опасаясь застать Их Величество в дурном расположении духа.

Ей живо вспомнился случай, когда другая служанка подавала ему трапезу, а он в приступе гнева безжалостно разбросал еду у её ног.

— В-ваше Величество, время трапезы, — пролепетала она, едва слышно, с дрожью в голосе.

Служанка, недавно щедро сбрызнувшая себя любимыми духами с ароматом жасмина, не предполагала, что это обернётся бедой.

Чу Вэньюй, уловив резкий цветочный запах, поморщился, его пронзила острая головная боль, и он испытал приступ тошнотворного отвращения. Не сдержавшись, он ледяным тоном произнёс:

— Впредь воздержись от использования столь дешёвых духов.

Лицо служанки побледнело, её охватил панический страх перед возможным гневом монарха. Заикаясь, она поспешила оправдаться:

— Ваше Величество, это... это феромонные выделения этой служанки... — пролепетала она, мысленно умоляя: «Прошу, не наказывайте меня».

К удивлению, Чу Вэньюй не стал подвергать её слова сомнению. Он не взорвался гневом, а лишь отпустил служанку. Оставшись без помощи, ему пришлось самостоятельно направлять кресло к обеденному столу. Однако путь с противоположной стороны оказался неудобным и затруднительным.

При одной мысли о назойливом аромате аппетит Чу Вэньюя окончательно пропал. В приступе раздражения он со злостью отшвырнул столовый прибор на пол.

Если... запах исходил от того заложника, то Чу Вэньюй едва мог его терпеть.

Странное дело, но в его сознании возник образ Цзян Линя, и в голове мрачного монарха зародилась абсурдная, почти бредовая идея: сделать этого вражеского принца своим личным сопровождающим.

Эта мысль казалась нелепой и неразумной, но почему-то она засела в его голове.

Но кто знает, получится ли у него воплотить эту фантазию в реальность?

<http://bllate.org/book/13405/1193468>